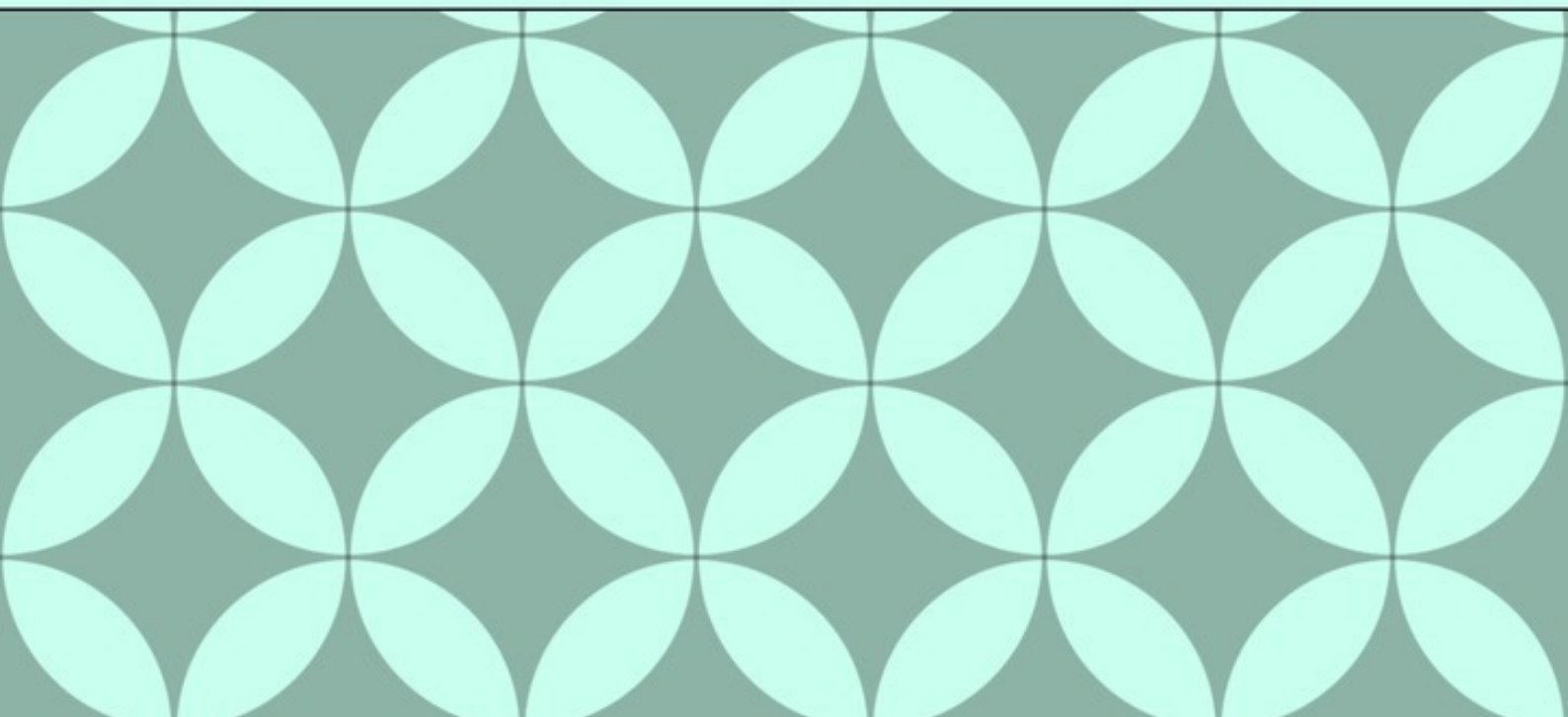

Семён Юрьевич Ешурин

*Крепостная
герцогиня
(главы 28—63)*

Квазиисторическая юмористическая
эпопея

Семён Ешурин

**Крепостная герцогиня (главы
28—63). Квазиисторическая
юмористическая эпопея**

«Издательские решения»

Ешури́н С. Ю.

Крепостная герцогиня (главы 28—63). Квазиисторическая юмористическая эпопея / С. Ю. Ешу́рин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857637-9

После смерти старшего брата Уолтер автоматически становится маркизом. Он попадает в семью спасённого им купца и называет себя Роджером Смитом. Пациент Роджер влюбляется в юную сиделку — крепостную девку Малашку. Через 4 года Малашка вступает в брачный возраст, но на пути влюблённых вроде бы непреодолимое препятствие — Роджера любит хозяйка Малашки Наташа.

ISBN 978-5-44-857637-9

© Ешу́рин С. Ю.
© Издательские решения

Содержание

28. Знакомство будущих супругов	6
29. Полуторный закон	8
30. Любезная барыня Наталья Васильевна	10
31. Беседы больного с сиделкой	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Крепостная герцогиня (главы 28—63) Квазиисторическая юмористическая эпопея

Семён Юрьевич Ешурин

© Семён Юрьевич Ешурин, 2017

ISBN 978-5-4485-7637-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

28. Знакомство будущих супругов

...Уолтер Гриффит, долгое время опосля ранения тяжелейшего в коме пребывавший, вышел, наконец, из оной и очи свои отверз. И такое узрел, что чуть было вновь в кому ни впал! Рядом с ложем его дремала на табуретке девица молодая облика жутчайшего. Маленькая, худенькая, растрёпанная, чумахая, одетая чуть ли ни в рубище. Поднапряг Уолтер воображение своё и представил её опосля бани и парикмахерской, в нормальный наряд облачённую. Получилось, что вроде бы и не уродина, но и не красавица уж точно, то бишь вообще никакая. Коли была бы отроковица сия современницей автора и пропела бы песнь кавээновскую

(«Снова в нашем зале,
в нашем зале нет пустого места!»),

то вполне можно было бы задать ей вопрос напрашивающийся (почему-то лишь автору эпопеи сей!): «А ты?!». Естественно, вопрос сей юмористический до произнесения первой фразы лишь ко внешним данным её относился бы, то бишь к отсутствию оных!

Наконец, почувяла отроковица взгляд мужеский, продрала очи и заморгала оными. Уолтер Гриффит, до того мысливший по аглицки, спросил на языке том же:

– Ху а ю?

Смутилась собеседница:

– Неужли, барин, более гордиться нечем?!

Опешил слегка граф, засим расхохотался и помыслил: «Страшилище, но с первой фразы очаровала!»

И отвечивал он «юмористке поневоле»:

– Не хотел смущать тебя, дитя невинное! Глаголил я на языке аглицком, на коем слово «ху» – не ху... лиганское вовсе, а безобидное «кто»! Вся же фраза моя означает: «Кто ты?»

– Малашка.

– Люблю малашку! – воскликнул пациент, за время комы изголодавшийся.

– Приятно зело, но не должен свободный крепостную любить!

– Вообще-то глаголил я про кашку-малашку...

– Ничего особенного. Кашка как кашка! ... Ой! Нечто не то брякнула!

Строго глаголя, не мог получиться каламбур сей, ибо в те времена слово «как» произносилось аки «аки». Но коли истина мешает каламбуру, то тем хуже (в виде исключения) для истины!

Рассмеялся Уолтер:

– Отличный каламбур, хоть и не шибко аппетитный!

– Не ведаю я, кто сей отличный Калам и почему он столь уж бур?

Не сумел эрудированный граф аглицкий ответить на вопрос девки неграмотной, ибо в те годы далёкие не существовало ответа. Автор бы тоже не сумел, но помог испытанный друг ГУГЛ! В итоге возник самый каламбуристый каламбур (каламбурее не бывает!), гласящий (аки и замыслила Малашка!): «Калам бур»! Нынешняя же расшифровка гласит: «Бывший президент Индии Абдул Калам настокмо обурел, что во своей книге „Индия-2020“ предлагает программу превращения страны своей в технологическую сверхдержаву.»

Кстати, отступление небольшое насчёт друга испытанного электронного. Коли спросить онго: «Свет мой, ГУГЛик, расскажи и всю правду доложи: я ль на свете всех умнее, не несу ли ахинею?», то порой изречёт он по-дружески правду суровую: сия умность твоя хоть и умность, но не твоя, ибо изречена была там-то и там-то тем-то! Порой завидует автор крепостной угнетённой и периодически избиваемой Малашке, ибо что бы ни молвила она, никто не ставил под

сомнение авторство ея! Но у медали сей фигуральной оборотная сторона имеется. К сожалению превеликому, недостаток информации, циркулирующий в обществе в те годы далёкие, помешал Малашке изречь много интересного. В частности, убеждён автор, что токмо несоздание песни матросской с названием фруктовым (ибо писана для тех ещё «фруктов»!) и нерождение Клары Степановны помешало Малашке воскликнуть от имени одного из матросов: «Эх, я б Лучко ...!»).

По той же причине (ненападения Наполеона во времена Малашки и царя Петра) не смогла дева сия остроязыкая поизгаляться над словом, чуть ранее приведённым: «Ахинея суть реакция наполеоновского маршала Мишеля Нея на пожар Москвы!» ... Но вернёмся к Роджеру и его новой знакомой.

Чрез некоторое время изрёк пациент, смущаясь:

– Понимаешь ли, Малашка...

– Естественно, понимаю, что желание Ваше естественно. Никогда не критикую других за то, что мне свойственно. (Поражён был граф, что простая девка расейская ведаёт «золотое правило», коее путеводной нитью сквозь всю жизнь его прошло!) А

ничто туалетное мне не чуждо!

29. Полуторный закон

Принесла дева юная ведро и поддерживала графа анонимного, дабы тот с оногo не навернулся! Наконец, встал больной, Малашкой поддерживаемый, намереваясь в постель вернуться. Но тут взгляд его в окно устремился. И узрел граф амазонку прекрасную, на не менее прекрасном коне воронОм арабском гарцующую. Отверз он уста свои, но ни единой мысли не высказал!

Усмехнулась Малашка:

– Видать, попал барин под чары сестры моей Глафиры прекрасной.

– Ошибаешься, любезная! – отвечивал больной, в постель возвращаясь. – Не может фея сия сестрой твоей являться, ибо явно из общества светского.

Глянула служанка юная в окно и молвила:

– Не привыкла я ошибаться, ибо глаголю токмо то, в чём уверена! Глашка и суть! Мужики токмо на нея так пялятся!

«Ревнует уродка ко красавице!» – помыслил Уолтер и молвил:

– Похоже, недолюбливаешь ты ея!

– Не без сего! Однако вовсе не по причине наличия красоты у нея и отсутствия оной у меня, о чём глаголил батюшка мой: «Глаша и Малаша достойны кисти великих живописцев нидерландских. Первая – Рембрандта ван Рейна, вторая – Иеронима Босха!»

– Да ты, прямо, мысли читаешь... аки ведьма!

– Похожа я на даму сию сказочную (но не во смысле красы!). Однако лишь внешне, ибо ведаёт ведьма много, я же лишь те крохи, что от родителя моего перепали. Правда, песнь сей эрудитки лесной прямо про меня писана, особливо учитывая наряд мой непризентабельный!

– И что за песнь?

– Да так... расейская народная.

– Спой, детка, не стыдись!

– Не могу... без слёз...

– Ну, так спой со слезами.

Откашлялась девица неказистая и запела мелодично гласом нежным:

– Я веду себя со всеми строго,

И никто не женится на мне.

Выхожу одна я на дорогу

В старомодном ветхом шушуне...

Засим, аки и было обещано, заплакала певица юная. Понял слушатель взволнованный, что сие существо вовсе не бесполо и бездушно, аки ранее казалось, а имеет трепетную душу и мечтает о простом бабьем счастье!

(Аки опосля выяснилось, песнь сия расейская вовсе не народная, ибо суть ария Бабы Яги из оперы Римского-Сардинского «Доска», главный герой коей купец новгородский прозван так был за то, что натянул на доску струны и получил гусли звончатые. А дуэт главного героя и русалки привёл к созданию выражения популярного: «Доска и два соска!»)

Кстати, автор, любящий о себе трепаться, читателей раздражая, обожает в сей опере арию иудейского гостя: «Не счесть алмазов биржи Рамат-Гана!», ибо во трёх километрах от биржи сей проживал!)

Наконец, успокоилась Малашка и вернулась к теме прерванной:

– А к сестре своей отношусь я согласно закону полуторному.

– Много законов я ведаю – и природных, и юридических. Но подобный закон неведом мне!

– Первый случай в жизни моей недолгой, когда хоть кто-либо в некомпетентности своей признался! Но в нашем случае она простибельна, ибо закон сей батюшка мой создал. И гласит он следующее: «Тех, кто тебя любит, люби в полтора раза более. Тех же, кто ненавидит, ненавидь в полтора раза менее!»

(Впоследствии в двадцатом веке был создан иной полуторный закон. Сей «закон трёх вторых» относился к электронным лампам. К существующим же во времена описываемые керосиновым лампам он (увы!) неприменим.)

– Ты, Малашка, про недолгую жизнь глаголила. Вообще-то у дам возраст не спрашивают. И ты можешь не отвечать...

– Но могу и ответить, ибо не столь уж древний возраст мой, дабы сокрывать оный. Вот уж скоро три часа, аки стукнуло мне тринадцать лет. Учитывая, что ныне столь же тринадцатое августа, а число сие безобидное несчастливым почитается, то выходит, притягиваю я неприятности, ... но лишь на главу свою!

30. Любезная барыня Наталья Васильевна

Вскоре подтвердилось пророчество грустное малашкино. Пошла дева сия ведро опосля пациента выносить. Засим некий шум раздался. И ворвалась в комнату девица разъярённая лика стандартного расейского народного с формами развитыми и содержанием (аки тут же выяснилось) убогим. Держала она за власы несчастную Малашку, под оком коей синяк начал наливаясь.

– Что за дела?! – возмутился аки бы Роджер Смит. – Негоже обижать Малашку, ибо обидела её природа, не наделив красою, аки тебя, незнакомка прекрасная.

– А?! – токмо и молвила гостя незваная.

Пояснила служанка истязательнице своей:

– Хвалит он наружность Вашу, любезная барыня Наталья Васильевна!

– А-а ...! – молвила «любезная» (особливо судя по синяку малашкиному!) барыня.

– Не в обиде я, – пояснила побитая Роджеру, – ибо виновата зело. Велено было мне, аки токмо Вы, барин, очухаетесь, сообщить немедля о событии сем радостном. Я же самовольно парила мозг Ваш болтовнёй своей пустой (особливо по сравнению с речами разумными барыни Натальи Васильевны!), дожидаясь опорожнения кишечника Вашего, дабы мысли о низменном не отвлекали Вас от последующего лицезрения прелестей барыни вышеупомянутой.

– Опять умничаешь?! – воскликнула крепостница юная и замахнулась на крепостную свою.

– Стоп! – воскликнул Роджер, и замерла длань хулиганки юной в воздухе. – Обращалась Малашка не к Вам, уважаемая барыня Наталья Васильевна,...

– Называйте меня просто «Наташа»!

– Хорошо, Наташа! Обращалась Малашка ко мнЕ, а мне речи ея, непонятные для людей нормальных, понятны, ибо обучался я в Англии у великого учёного сэра Айзека Ньютона, а все ученики его слегка ненормальные, аки Малашка малохолная.

Задумалась, было, собеседница бестолковая над смыслом сказанного, но пришла ей на помощь служанка:

– Мистер Смит глаголит, что он, аки я, слегка... того!

– Он-то лишь слегка, а ты, дура, на всю главу свою бестолковую! ... Пошла вон отсюда!

– Слушаюсь, барыня «просто Наташа»!

– Чего??!

– Глаголили Вы, барыня: «Называйте меня «просто Наташа»! Из чего заключила я (видать, ошибочно!), что указание сие и на меня распространяется. Прошу простить меня покорно, ... то бишь прошу покорно простить меня, достопочтенная барыня Наталья Васильевна!

Переглянулись служанка с пациентом и чуть заметно улыбнулись друг другу. Понял Роджер, что Малашка побитая, смирением прикрываясь, издевается над хозяйкой своей спесивой!

Удалилась служанка, и обрушился на несчастного больного водопад речи бессвязной и бессмысленной. Но выловил он из потока сего бурлящего крупницы информации полезной. Оказалось, что купец, от бандитов спасённый и впрямь Василий (в чём Роджер особо и не сомневался, ибо знал про «барыню Наталью Васильевну»), но не Петров. Василий Никитич Самохвалов был одним из первых купцов града своего, коий и не Орлом вовсе оказался, а Курском. Понял Роджер, что потому назвался купец чужой фамилией, что известного в торговом мире Самосвалова, ... то бишь Самохвалова ограбили бы наверняка, а у неизвестного Петрова, к тому же аки бы не купца, а простого помещика был шанс реальный проскользнуть невредимым опосля заключения выгодной сделки торговой. Вот токмо сгруппил он с переводом бумаг своих.

В начале трепотни Наташиной явилась Малашка с одноимённой кашкой и прочими яствами, спросила у барыни разрешения и оставила всё сие больному голодному. Посему в конце трепотни барской возвышенной потянуло больного вновь на низменное (но вовсе не на совращение малолетки сей созревшей!). Кликнула барыня, скривившаяся брезгливо, служанку свою и удалилась на отдых заслуженный, ибо никогда ранее столь долго не трепалась без перерыва.

Опосля выноса ведра достала Малашка вязание своё и замелькали спицы во дланях ея. И в дальнейшем заполняла она ими паузы в беседах занимательных.

Во время одной из пауз таковых попытался представить Роджер в постели барыню младую созревшую (хоть и была та лишь на год старше служанки своей невзрачной). Провалилась затея сия – не возбудили графа прелести сей дуры аж соком брызжущей. Засим ради смеха представил на месте ея пододеяльном художочную Малашку смышлёную. И неожиданно для себя самогО возбудился преизрядно, аж облизнулся от вожделения.

Виновница облизывания сего наблюдательность проявила и, мысля, что причиной облизывания жажда является, стакан воды принесла.

(Кстати, в комедии Эжена Скриба с тем же названием «Стакан воды» глаголитесь хоть и про другой стакан, но про то же время, и героиней шедевра сего является крёстная Уолтера Гриффита аглицкая королева Анна.)

Вскоре задумался Роджер и спросил сиделку свою:

– Откуда прознала хозяйка твоя распоясавшаяся про беседу нашу? Ведь мог я алкать ведро сразу опосля очухиванья моего.

– Спросила она меня, трепалась ли я о чём-либо с барином, в себя пришедшим. Пересказала я беседу нашу, мистер Смит, занимательную. Поняла барыня Наталья Васильевна из сказанного токмо ущербность свою моральную, выражающуюся в непонимании сказанного. И аки ожидать следовало, взъярилась не на шутку и продемонстрировала наглядно превосходство своё физическое над превосходством моим моральным.

– Но коли ожидать следовало причинение ущерба физического, почему не молвила ты что-нибудь не раздражающее психопатку сию?

– Хоть и глаголят мне со всех сторон о ничтожестве моём, но не задевают меня речи сии, ибо не уважаю глаголящих. Но коли совру, то перестану уважать себя, а сие недопустимо, ибо мнение своё (не сочтите, что хвалю сама себя подобно Самохваловым!) уважаю!

– А коли была бы угроза животу твоему, ты тоже глаголила бы правду?

– Увы! Любой принцип имеет границы применения своего. Посему солгала бы я не токмо при угрозе животу своему, но даже при серьёзной угрозе здоровью. Синяки же от барыни Натальи Васильевны дело привычное для нас обоих!

– А не кажется ли тебе, Малашка, что твой приоритет собственного мнения надо мнением общественным суть эгоизм?

– Не кажется, ибо так оно и суть! Но токмо не считаю я эгоизм предосудительным! Уж коли выбирать, кто лучше: аль эгоисты, аль труисты, то я бы первых выбрала, ибо эгоисты пьют в одиночку умеренно, а труисты – на троих без меры!

Улыбнулся Роджер, ибо ведал, что «три» на языке французском будет «труА», а посему «труисты», Малашкой «скаламбуренные» – и впрямь те, кто пьют на троих! Правда, сами пьющие считают, что не «пьют» они, а «соображают», однако в конце сего мероприятия термин их редко истине соответствует, разве что латинской истине «ин вИно вЕритас»! Тем паче, что носители истины латинской древние римляне имели обычай протрезвляющий кишечник рвотой опорожнять, аки поступил упомянутый ранее трактирщик криминальный из Михайловки.

Коли зашла речь об алкогольном «тройственном союзе», то автор хочет осветить его с неожиданной стороны – ближневосточной! Репатриант в Израиле именуется «олЕ», что в переводе с иврита означает «поднимающийся» (видимо – на холм «Голгофа»). Кстати, слово

«репатриант» означает «возвратившийся на родину». Посему «возвратившийся на историческую родину» суть «исторический репатриант»... Но вернёмся к выпивохам.

Хоть сие не повсеместно,
иногда имеет место.

Коли ТРИ ОЛЕ решили выпить в компании друг друга, то автор советует им первый тост поднять за сестру Лили Брик французскую писательницу Эльзу ТРИОЛЕ, ибо фамилия ея их сборище рекламирует!

...Наконец, наступило время отхода ко сну. Простилась девица с красавцем рыжим и удалась с неохотой. Уолтер подумал с грустью, что будущего у него с отроковицей сей быть не может ввиду разного статуса социального. А совращать невинность ея до достижения возраста брачного совесть не позволит. Засим опосля мук творческих создал граф опус поэтический, кой и пропел негромко:

– Я гляжу ей вслед,
Слишком мало лет.
Так чего ж гляжу
И губу лижу?!

Ночью снились больному обе сестры столь непохожие. То Глафира прекрасная на коне вороном, то Маланья невзрачная со спицами и с синяком.

31. Беседы больного с сиделкой

На другой день с утра пораньше явилась одна из снившихся и провела процедуры ведёрные. И молвил Роджер, во грёзах по сестре ея пребывавший:

– Есть дЕвицы в Курских именах!
Я мыслю: сестрица твоя
Коня на скаку остановит!
– Аль конь остановит ея!

– срифмовала сиделка юная.
– Своеобразный у тебя юмор, Малашка!
– Ибо чернее ночи крошечной, – добавила юмористка чёрная, – и страшнее... меня при любом освещении! Не потому хочу Вам сообщить данные компрометирующие на Глафиру, что завистлива я и болтлива, а затем, дабы Вы беду от сей дуры отвели, ибо советы мои она (аки все остальные!) во грош не ставит! Издевается вовсю Глашка над конём своим беззащитным. Поражаюсь я долготерпению животины сей, но не бесконечно оно! Уж сколко предупреждала я наездницу самоуверенную, что может она беду накликасть, но уверена та, что

лишь взбрыкнётся гордый конь,
как вмиг протянет он копыта!

Сослалась как-то я на мудрость расейскую народную, не рекомендующую обходить коня сзади (ну, и начальство спереди, однако сие к нам не относится). Так сестра (явно не милосердия!) избила коня своего с особой жестокостью и умышленно прошла сзади. Я от страха чуть ни...

И Малашка кивнула на ведро вынесенное и тряпкой прикрытое.

Воскликнул Роджер:

– Со смертью играет!

Смел, но мерзок сей трюк!

– Вот Вы ей сие и сообщите. Не ныне, разумеется, а когда случай удобный представится.

Вскоре время завтрака наступило. Принесла «официантка» юная на подносе расписном яства вкуснейшие и молвила:

– Барыня Наталья Васильевна, видать за долготерпение Ваше вчерашнее при выслушивании мудростей ея расщедрилась на деликатес французский, именуемый «зефир»!

Глаголя речь сию, взирала служанка на дефицит сей нежнее, нежели Ромео на Джульетту! Граф Уолтер Гриффит, переевший (до превращения своего в Роджера Смита, точнее – в Фому Златого) немереное количество дефицитов сих, откусил лишь кусочек малый и предложил:

– Прими, Малашка, сей зефир от меня в дар аки компенсацию частичную за избиение твоё вчерашнее, из-за меня произошедшее!

Загорелись очи девичьи, аки сердце Данко горящее! (Не того Данко имеет в виду автор, кой издал изумительное пособие «Высшая математика в упражнениях и задачах», озаряющее светом знаний путь тысячам студентов, а того, коего описала некая пенсионерка Изергиль и кой вместо того, дабы переночевать в лесу, а наутро продолжить поиски дороги, вырвал из груди своей уголь, пылающий огнём, кой ему пред сим засунул туда серафим, но не уроженец того же Курска Саровский, а шестикрылый!). Но проявила дева отважная силу воли редкую и главой отрицательно покачала (видать, произнести слова лживые о нежелательности для нея продукта сего не позволила совесть ея!).

Сделал вид граф, что обиделся:

– Видать, справедливо брезгуешь ты принять предложение моё негигиеничное.

– Да готова я принять от Вас любую пищу, хоть другой продукт французский, глаголящий про ква-ква... лификацию! (Слушатель аж фыркнул от сего намёка лягушачьего!). Ну и обижать Вас отказом не желаю. Посему предлагаю вариант компроматный, ... то бишь компромиссный – оттяпайте мне половину продукта.

Отрезал Роджер половину (большую!) зефира и вручил служанке. Та аж зажмурилась от предстоящего наслаждения неземного и уста приотверзла.

Но тут распахнулась дверь, и возникла во проёме наездница прекрасная (правда, на сей раз без коня). Кивнув на сестру, спросила больного гласом развязным и высокомерным:

– Ну чо? ДОКАНАЛА?!

И помыслил граф с досадой: «Красавица, а с первой фразы разочаровала!»

– Что могу глаголить я про путь ДО КАНАЛА Ивановского? – ответствовала оскорблённая, но не оскорбившаяся. – Вопрос сей следует адресовать батюшке твоему, в очередной поездке торговой пребывающего!

Улыбнулся Роджер и сразу две вещи понял: во-первых, что купец Самохвалов – родитель гордой Глафиры, являющейся сестрой Малашке токмо по матери, а во-вторых, стала ясна причина, по коей Василий Никитич так ни разу и не навестил спасителя своего от бандитов лютых.

Тем временем вопила Глашка на Малашку не аки львица светская, а аки баба базарная:

– Опять, уродина придурочная, изрыгаешь словеса непонятные! Мало тебя Наташка дубасила! Сама мало дубасит и мне не даёт!

Совсем разочаровался Роджер в недавнем идеале своём. Но будучи джентльменом аглицким, пригласил он, хоть уже и без трепета душевного деву сию разделить трапезу его:

– Заходи смелей, Глафира

И попей со мною чай.

– На, возьми кусок зефира,

Но права здесь не качай!

– неожиданно мгновенно срифмовала Малашка и протянула сестре предмет мечтаний своих.

(Впоследствии создана была чудесная песнь про иную Глафиру с очаровательным припевом из трёх мыслей глубоких. Вот токмо последняя из оных автора опуса сего не вдохновила. В итоге вышла дискуссия его с исполнителем песни:

«– Лучше быть сытым, чем голодным,

Лучше жить в мире, чем в злобе.

Лучше быть нужным, чем свободным...

– Это ты, знаю, не в себе!»)

...Глашка, не обременённая комплексами интеллигентскими, схватила зефир и... чашку больного. Засим хлюпая и чавкая, быстро «умяла» еду и питьё.

«Видать, лопухнулся я вчера! – помыслил граф. – „Фея сия“ явно не из общества светского!»

Но Глафиру насытившуюся потянуло именно на беседу светскую (в понимании ея!). Уселась она на диван, точнее разлеглась на оном и спросила:

– Ведомы ли тебе, барон аглицкий, герцогини аглицкие?

– Начнём с того, что сын барона суть баронет, кой в отличие от папаши своего не принадлежит к обществу светскому. Но сие относится лишь к законным отпрыскам баронов. Я же не принадлежу не токмо к обществу светскому, но даже к баронетам, ибо мать моя расейская Евгения так и не сочеталась браком законным с родителем моим бароном Джорджем Смитом.

Пока глаголил мнимый Роджер легенду сию, взглянула Малашка выразительно на чашку опустевшую, засим на сестру свою и на дверь. Кивнул больной в ответ. Таким образом, договорились собеседники (молча!) возобновить чаепитие лишь опосля ухода гостыи незваной.

Поняла Глашка из речи больного, что не благородных он кровей (уже достижение, ибо Наташа и сие не поняла бы!), а посему нЕчего с ним церемониться! И молвила гласом того более развязным:

– Неча мне тут пургу гнать, ибо лето на дворе! Глаголь про герцогинь!

– Ведома мне Сара Черчилль, герцогиня Мальборо.

– На фига мне твоя Сара?! Давай лишь про герцогиню!

– И рад бы разделить их, да не могу, ибо Сара Черчилль и суть герцогиня Мальборо, супруга главнокомандующего аглицкого. (Малашка при сем с трудом смех сдержала, Глашка же лишь поморщилась недовольно.) Дама сия огромное влияние на ея величество королеву Анну имеет, ибо ранее пребывала фрейлиной ея.

– Что ещё за пелерина?!

– Пелерина суть одежда бабья верхняя, а фрейлина – знатная барышня изо свиты королевы. Бывала в доме нашем ещё одна бывшая фрейлина ея величества – Джейн... Гриффит, одна из красивейших баб, мне ведомых и умнейшая из оных.

– Тоже герцогиня аглицкая?

– Сперва герцогиня Англии, засим – Шотландии, а ныне – Великой Британии.

Малашка не упустила возможности скаламбурить и молвила с видом серьёзным:

– Шутландия, видать, потому названа так, что население ея кривляться любит!

– Сие неточность перевода расейского, – пояснил, улыбнувшись, Роджер. – На их языке страна сия именуется «Скотландия», ибо произошёл народ сей от древних скОттов.... А нынешний супруг леди Гриффит шотландский граф Макдауэлл суть одновременно и шут, и скот! ... Желание же узнать про герцогинь аглицких похвально зело! Молодец, Глашка!

– Для кого «Глашка», а для кого «Глафира Васильевна»? – ответствовала красotka, подтвердив тем самым гипотезу (кою с гипотенузой геометрической путать нежелательно) о том, что она суть внебрачная дочь хозяина. – Потому я к дурам сим интерес имею, что сама стану герцогиней аглицкой, аки предсказала цыганка, коя не ошибается, ибо крута зело!

– Круче кручи! – «подтвердила» Малашка.

Больной помыслил, что ещё одна неопибающаяся (аки она сама о сем глаголила) выносит за ним вёдра!

– А какие пОйла хлебают герцогини аглицкие? – поинтересовалась коллега их будущая.

– Хоть и пребывает Англия в состоянии войны со Францией, но герцогини аглицкие по-прежнему предпочитают вИна благородные, во французской провинции Шампань произведённые. И пьют оне сии вина шампанские из сосудов столь же французских. Сосуд сей, именуемый «фужЕр» – на длинной тонкой ножке...

– На фига мне сей «жер», коли он на «фу!» начинается?! Буду хлебать пОйла сии шампуньские из простого стакана!

Покоробила графа утончённого перспектива сия. Однако во середине века двадцатого в газете лживой под названием «Правда» был задан вопрос похожий: «Можно ли пить шампанское из гранёного стакана?». Следует уточнить, что стакан сей был спроектирован гениальным скульптором Верой Игнатьевной Мухиной, изваявшей рабочего и колхозницу, и предназначался для героев скульптуры сей (а заодно и для работниц и колхозников!). Середь моря откликов один выделялся своим высоким пафосом. Известный (благодаря виршам о любви

и дружбе ..., то бишь благодаря виршам о любви и благодаря дружбе со змием зелёным) пиит дал достойную отповедь сомневающемуся автору вопроса:

«Как можешь в этом сомневаться ты,
Жуя под звуки вальса и канкана?!
Ведь знают даже пьяные скоты,
Что в мире нет прекрасней красоты,
Чем красота гранёного стакана!».

...Уж коли зашла речь о шампанском, не горазд автор, любящий отступлениями истязать читателя (аки император римский Юлиан Отступник) удержаться от ещё одного. В некоем из ресторанов тогдашнего града его Тель-Авива столь же некий посетитель молвил официанту: «Шампанское!», на что сей работник общепитовский ивритоговорящий спросил резонно: «Эйфо „шам“?», то бишь «Где „там“?». Но не будем размышлять о том, что пили паны, а вернёмся в август 1711 года во град Курск.

Хоть и не дорожила Глафира мнением «какого-то безродного» англичанина, но не смогла не похвастаться:

— А конь мой не токмо герцогини — царицы аглицкой достоин, ибо на скачках последних пришёл первым, за что был удостоен всяческих похвал градоначальника курского и премий: овсяной для коня и денежной для его владельца, то бишь батюшки моего!

Не стал уточнять иностранец, что «царица аглицкая» «королевой Великой Британии» именуется. Задал он Глафире вопрос риторический, ибо ответ почти наверняка ведал:

- Ду ю спик англиш?
- Ты чо, охальник, при герцогине материсься?!
- Я всего лишь убедился, что будущая герцогиня аглицкая не разумеет языка аглицкого.
- А сие ни к чему! — «встала на защиту» сестры Малашка.

— Не нужен ей аглицкий берег,
и азбука ей не нужна!

Ибо герцог аглицкий приедет в Расею, жЕнится на... Глафире Васильевне и останется жить здесь же. Во крайнем случае, сбежит от нея, не разведясь али руки на себя от счастья семейного наложит, оставив ея тем самым герцогиней аглицкой, аки и предсказывала цыганка.

Поражён был граф Гриффит логичностью слов служанки юной и нестандартностью мышления ея! Но тут пронзила его мысль ужасная — а вдруг герцог сей суть он сам?! Вариант не столь уж утопичен, ибо коли преставятся Джордж и Роберт Гриффиты, герцогом автоматически станет он, Уолтер Гриффит, временно пребывающий Роджером Смитом. Ещё ночью прошедшей грезил он во сне о союзе с сей девой прекрасной, но ныне одна мысль о возможности брака с дурой сей вызывала дрожь!

Вскоре ушла Глашка. И молвил Роджер Малашке:

- Сколь бы ни был богат герцог аглицкий, разорит его Глафира.
- Уточнила Малашка мысль сию:

— Она токмо глянет —
и сразу рубля нет!

Улыбнулся граф аглицкий и молвил:

- Аки глаголил некий джентльмен аглицкий красоткам, его разорившим,

«накладны ваши совершенства!».

– Красота сосёт мир!

– подытожила Малашка тему сию.

К сожалению превеликому, не пыталась дева сия увековечить приоритет свой на фразу сию. Да коли бы и пыталась, не преуспела бы в сем ввиду выдуманости своей! В итоге у фразы сей сосущей, аки вездесосущий, ... то бишь вездесущий ГУГЛ сообщил полно авторов! Посему автору повествования сего не оставалось ничего иного, аки переделать фразу философскую в полукриминальную:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.